

Марк Дога

Десять тысячелетий неравенства

Как женщины завоёвывали
мир

Марк Дога

Десять тысячелетий неравенства. Как женщины завоёвывали мир

<https://litres.ru/74578169>

SelfPub; 2026

Аннотация

Почему половина человечества на протяжении тысячелетий находилась под властью другой половины? Как культ Великой Богини сменился теремным затворничеством, а ведьмовские костры — фабричным трудом и борьбой за право голоса? И почему, несмотря на формальное равенство XXI века, гендерный разрыв в оплате труда, политическом представительстве и доступе к ресурсам остаётся таким устойчивым?

Эта книга — масштабное исследование эволюции статуса женщины в обществе. Автор проследивает, как экономические трансформации, религиозные доктрины и культурные коды формировали гендерные отношения, и показывает, что патриархат — не биологическая неизбежность, а исторический конструкт, который может быть изменён.

Книга предлагает три сценария будущего — от оптимистичного до пессимистичного — и отвечает на главный

вопрос: возможен ли мир без патриархата и какова цена нашего бездействия?

Содержание

Введение	5
1. От матриархата к патриархату. Истоки неравенства	15
2. Религиозный дискурс как инструмент подавления	34
3. Великая охота на ведьм. Экономика и психология террора	53
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Марк Дога

Десять тысячелетий

неравенства. Как женщины

завоёвывали мир

Введение

Гендерная асимметрия власти: главный конфликт цивилизации

Вопрос о месте женщины в обществе – это не просто одна из многих тем социальной истории. Это фундаментальный сюжет, пронизывающий всю человеческую цивилизацию, вопрос о том, как половина человечества оказалась под властью другой половины и как этот порядок, казавшийся незыблемым тысячелетиями, начал рушиться на наших глазах. Сегодня, когда женщины занимают посты глав государств и правительств, возглавляют крупнейшие корпорации и управляют центральными банками, может показаться, что гендерное равенство – это уже свершившийся факт. Однако реальность оказывается куда более сложной и противो-

речивой.

История отношений полов – это история власти. В ней переплетаются экономические интересы, религиозные доктрины, культурные коды и глубинные психологические механизмы. На протяжении тысячелетий эти механизмы работали на закрепление мужского доминирования, создавая сложные системы оправдания и воспроизводства гендерного неравенства. Но сегодня эти системы дают трещину – и одновременно сопротивляются с невиданной силой. Мы наблюдаем парадоксальную картину: формальное равенство, закрепленное в законах большинства стран мира, соседствует с сохраняющимся неравенством в реальной жизни, а борьба за права женщин стала одной из самых острых линий культурного и политического раскола в современном мире.

Почему гендерное неравенство – ключ к пониманию истории

Понимание эволюции статуса женщины в обществе дает ключ к пониманию фундаментальных процессов человеческой истории. Изменение положения женщин неизменно отражало и одновременно определяло глубинные сдвиги в экономике, политике и культуре. Переход от матриархальных культов к патриархальным структурам совпал с возникновением частной собственности и государства. Индустриальная революция, потребовавшая массового женского труда на фабриках, создала предпосылки для первой волны фе-

минизма. Мировые войны, лишившие экономику миллионов мужчин-работников, открыли женщинам доступ к профессиям, которые ранее считались исключительно мужскими. А цифровая революция создала совершенно новые возможности для женской самореализации – и одновременно породила новые формы дискриминации, включая алгоритмический сексизм и онлайн-травлю.

От Великой Богини к ведьмовским кострам: эволюция статуса

В этой книге мы проследим путь, пройденный женщинами от матриархальных обществ древности до парламентов современности. Археологические данные свидетельствуют, что в ранних земледельческих культурах женщины играли центральную роль – они контролировали производство пищи, ткачество, гончарство, а культ Великой Богини плодородия был распространен повсеместно. Однако с развитием плужного земледелия, требовавшего значительной физической силы, и появлением частной собственности, потребовавшей контроля над наследственностью, начался длительный процесс утверждения патриархата.

Особое место в этом процессе занимает феномен охоты на ведьм – системного террора, который в период с XIV по XVIII века унес жизни десятков тысяч женщин по всей Европе. Как показывают современные исследования, охота на ведьм была не просто религиозным безумием, а продуман-

ным механизмом подавления женской автономии, разрушения общинных связей и закрепления новой капиталистической экономики. Женщины-знахарки, целительницы, повитухи – носительницы многовековой народной мудрости – систематически уничтожались или вытеснялись на периферию социальной жизни. Их место занимала новая модель «идеальной женщины» – слабой, покорной и недалекой, предназначенной для неоплачиваемого труда по воспроизводству рабочей силы.

Борьба за голос: суфражизм как поворотный момент

Особое внимание мы уделим борьбе за избирательные права – одной из самых драматичных страниц истории XIX–XX веков. Суфражизм, зародившийся в Великобритании и США в середине XIX века, стал первым массовым политическим движением женщин, потребовавших признания их гражданского статуса. В отличие от более ранних форм женского протеста, суфражизм был системным и организованным: женщины создавали политические союзы, издавали газеты, организовывали демонстрации и, когда мирные средства не работали, прибегали к актам гражданского неповиновения.

Особенно яркой страницей стало движение британских суфражисток во главе с Эммелин Панкхёрст. Их тактика радикализировалась в начале XX века: они били витрины, под-

жигали почтовые ящики, приковывали себя к ограждениям, устраивали голодовки в тюрьмах, где их подвергали насильственному кормлению. Гибель Эмили Дейвисон на королевских скачках в 1913 году стала символом самопожертвования во имя идеи. Первая мировая война стала поворотным моментом: женщины заменили мужчин на производстве, доказав свою незаменимость, и в 1918 году британские женщины старше 30 лет впервые получили право голоса. В США 19-я поправка к Конституции, закрепившая женское избирательное право, была принята в 1920 году.

Парадоксы современности: формальное равенство и реальное неравенство

Сегодня, столетие спустя, мы сталкиваемся с новым парадоксом. Формальные барьеры пали: женщины имеют право голоса, доступ к образованию и профессиям, могут занимать высшие государственные посты. Однако реальное положение женщин во многих сферах остается неравным. Гендерный разрыв в оплате труда не только не исчезает, но в некоторых странах растет. В России, по данным на 2025 год, разрыв в зарплатах между мужчинами и женщинами достиг 33,7% – максимального значения за 13 лет. В абсолютном выражении женщины получают на 37,8 тысячи рублей в месяц меньше мужчин. Наибольшее неравенство, вопреки стереотипам, наблюдается не в «тяжелых» отраслях, а в сферах культуры, спорта, информации и связи.

Представительство женщин в политике также остается ограниченным. По данным Межпарламентского союза, на 1 января 2026 года женщины занимают лишь 27,5% мест в национальных парламентах мира. Это означает, что почти три четверти законодательной власти сосредоточено в руках мужчин. Рост представительства женщин замедлился до минимальных 0,3 процентных пункта в год – самый слабый показатель с 2017 года. Еще более тревожна ситуация на уровне руководства: доля женщин-спикеров парламентов упала с 23,7% до 19,9%, а из 75 новых спикеров, назначенных в 2025 году, только 12 были женщинами. По прогнозам ООН, гендерный паритет в парламентах не будет достигнут до 2063 года.

Цена сопротивления: насилие и травля

Борьба женщин за место в политике по-прежнему сопряжена с высокими рисками. Исследования Межпарламентского союза показывают, что 76% женщин-парламентариев сталкиваются с психологическим насилием, причем женщины подвергаются публичной травле чаще мужчин (76% против 68%). Этот климат враждебности может отпугивать женщин от участия в выборах, создавая дополнительный барьер на пути к гендерному равенству. Некоторые страны принимают законы для предотвращения и наказания политического насилия против женщин – например, Филиппины и Колумбия, но такие инициативы остаются исключением.

В то же время существуют и обнадеживающие примеры. В Австралии женщины получили рекордные 46% мест в парламенте после выборов 2025 года. В Чехии их доля выросла с 25% до трети депутатов. В Эквадоре женщины составляют 45% Национальной ассамблеи. Япония впервые в своей истории получила женщину-премьера, а представительство женщин в верхней палате достигло рекордных 29,4%. Страны, внедрившие эффективные квоты, демонстрируют значительно более высокие показатели: в палатах с квотами женщины занимают в среднем 30,9% мест против 23,3% в палатах без квот.

Книга построена по принципу движения от истории вопроса через анализ современного состояния к прогнозам и возможным сценариям будущего. Такой подход позволяет увидеть проблему в ее исторической динамике, понять, какие факторы привели к нынешней ситуации, и оценить возможные траектории развития.

В первых главах мы рассмотрим истоки гендерного неравенства – от матриархальных культов древности до утверждения патриархата в античном мире и средневековой Европе. Особое внимание будет уделено роли религиозных институтов в закреплении женского подчинения и феномену охоты на ведьм как системному механизму подавления женской автономии.

Вторая часть книги фокусируется на экономических и

политических трансформациях Нового времени: как индустриальная революция изменила характер женского труда, как суфражистки боролись за право голоса и какие идеологические баталии сопровождали этот процесс.

Третья часть посвящена современности: гендерному разрыву в оплате труда и политическом представительстве, психологическим механизмам доминирования, демографическим парадоксам. Мы рассмотрим, как цифровая революция и глобализация создали новые возможности и новые вызовы для женщин.

Завершающая часть книги обращается к будущему. На основе анализа текущих тенденций рассматриваются возможные сценарии развития ситуации – от достижения гендерного паритета до консервативного реванша и отката. Каков будет мир через 25 лет? Что изменится, а что останется прежним?

Что мы теряем, подавляя женщин, и что выигрываем, давая свободу

Центральный тезис этой книги заключается в том, что борьба за женские права – это не изолированный процесс, а зеркало более глубоких трансформаций. Каждое изменение в экономике, политике и культуре отражалось на положении женщин, и, в свою очередь, изменение статуса женщин становилось двигателем социального прогресса. То, что мы называем «женским вопросом», на самом деле – вопрос

о том, каким будет общество будущего: более справедливым или более иерархичным, более плюралистичным или более унифицированным.

Эмансипация женщин не была даром просвещенных мужчин – она была результатом десятилетий борьбы, самопожертвования и коллективных действий. И сегодня, когда во многих странах мира права женщин снова ставятся под сомнение, когда консервативные движения требуют возврата к «традиционным ценностям», а агрессивные маскулинные идеологии набирают силу – понимание этой истории становится не просто академическим интересом, а вопросом политического выживания.

В этой книге мы увидим, что путь к равенству не был прямым и не будет прямым впредь. Были эпохи относительного прогресса и эпохи жестокого регресса. Были культуры, где женщины пользовались значительной автономией, и культуры, где их права были сведены к нулю. В истории не существует единой линии – есть лишь сложное переплетение факторов, которые в разных комбинациях дают разные результаты. Эта книга – попытка понять логику этих изменений и, возможно, предложить читателю инструменты для осмысления того, что происходит сегодня.

От матриархата к парламенту – такова траектория, которую мы проследим. От культа Великой Богини к законам о гендерных квотах – таков путь, пройденный женщинами за десять тысячелетий цивилизации. И вопрос, который стоит

в конце этого пути, звучит так: что дальше?

1. От матриархата к патриархату. Истоки неравенства

Теоретическая рамка: почему и когда возникло доминирование мужчин

Понимание истоков гендерного неравенства – одна из самых сложных и дискуссионных проблем исторической науки. Почему, если в глубокой древности женщины пользовались значительным статусом, а в некоторых обществах, возможно, даже доминировали, затем наступила эпоха многовекового патриархата? Ответ требует обращения к фундаментальным процессам – экономическим, технологическим, демографическим, культурным и психологическим.

На протяжении XIX–XX веков в науке доминировала эволюционная модель, предполагавшая постепенный прогресс от «дикости» к «цивилизации», в ходе которого мужчины, как более сильные, брали на себя функции охоты и войны, а женщины, ослабленные беременностью и уходом за детьми, оставались в сфере домашнего хозяйства. Эта модель, однако, была сильно упрощена и идеологически нагружена – она скорее оправдывала существующий порядок, чем объясняла его происхождение.

В XX веке археологические и антропологические откры-

тия заставили пересмотреть многие представления. Исследования свидетельствуют, что в ранних земледельческих обществах, особенно в культурах неолита, женщины играли центральную роль. Культ Великой Богини – плодородия, земли, материнства – был распространен повсеместно. Женщины контролировали производство пищи (земледелие), ткачество, гончарство – ключевые технологии ранней цивилизации.

Ключевые теоретические подходы к объяснению возникновения патриархата можно разделить на несколько групп:

Материалистические теории связывают возникновение патриархата с экономическими изменениями. Переход к плужному земледелию, требовавшему значительной физической силы, стал преимущественно мужским занятием. С развитием частной собственности возникла необходимость передавать имущество по наследству, контролируя, чтобы наследники были «своими» – это породило институты, ограничивающие сексуальную свободу женщин. Рост городов и государств выдвинул на первый план военную и административную функции, также ставшие мужской прерогативой.

Эволюционные теории акцентируют биологические различия. Однако, как показывают современные исследования, биологические различия сами по себе не определяют социальную организацию – решающую роль играет то, как обще-

ство интерпретирует и институционализирует эти различия.

Психологические теории обращают внимание на глубинные механизмы. Страх перед женской автономией, стремление контролировать сексуальность, потребность в подтверждении маскулинной идентичности – все эти факторы, как показывает анализ, играли значительную роль в закреплении патриархата.

Важно подчеркнуть: патриархат не был «естественным» состоянием, существовавшим всегда. Он был историческим конструктом, результатом конкретных социально-экономических изменений. Антропологические исследования показывают, что даже в рамках патриархальных обществ статус женщин варьировался в зависимости от класса, региона, исторического периода.

Вопрос о месте патриархата в истории человечества в течение многих веков был предметом дискуссии. Широкое распространение получила теория об изначальной патриархальности человеческого общества, сторонниками которой в античное время были Платон и Аристотель, а в XIX веке ее защищал Г. Мэн. Однако в 1860–70-х годах сначала И. Бахофен, а затем Л. Г. Морган опровергли идею об изначальности патриархата. Взгляды Моргана были поддержаны и развиты Ф. Энгельсом, который писал о «всемирно-историческом поражении женского пола» при переходе к патриархату.

Кейт Миллет, введшая понятие патриархата в современную феминистскую теорию, определяла его как институт, где

«одна половина населения (женщины) контролируется другой (мужчинами)». По ее мнению, патриархатная власть является «основой для функционирования всех обществ» и выходит далеко за пределы официальных институтов, подерживаясь через процесс социализации, начинающийся с воспитания детей в семье и усиливающийся образованием, литературой и религией.

Доиндоевропейские общества: культ плодородия и женские функции

Реконструкция статуса женщин в доиндоевропейских обществах – одна из самых захватывающих страниц археологии. Данные раскопок в Анатолии, на Балканах, в Центральной Европе свидетельствуют о высоком положении женщин в эпоху неолита (ок. 8000–3000 гг. до н.э.).

Особенно показательным является поселение Чатал-Хююк (современная Турция, VII тыс. до н.э.) – одно из древнейших поселений в мире, относящееся к эпохе неолита. Исследователи давно подозревали, что женщины там занимали особое социальное положение, однако лишь современные методы анализа ДНК позволили это доказать. В Чатал-Хююке, где люди жили примерно с 7100 по 6000 год до нашей эры, центральной фигурой в обществе была женщина. Международная исследовательская группа под руководством генетиков из Ближневосточного технического университета в Анкаре называет его «обществом, ориентированным на жен-

щин».

Изучив 131 скелет, погребенный под жилищами поселения, ученые обнаружили, что люди в могилах под одним и тем же домом в основном были родственниками, чаще всего по материнской линии. Другими словами, когда мужчина и женщина в Чатал-Хююке вступали в отношения, новая пара жила под одной крышей с родителями женщины, а не мужчины. Таким образом, семьи формировались по матрильному принципу.

Еще один признак важной роли женщин: исследователи обнаружили, что в могилах женщин и девочек было в пять раз больше погребальных принадлежностей, чем у мужчин. Это свидетельствует о высоком социальном статусе женщин в этом обществе.

Однако, как поясняет археолог Ева Розеншток, специалист по доисторической культуре, участвовавшая в раскопках в Чатал-Хююке, принцип локальности (матрилокальность или патрилокальность) изначально не дает информации о том, кто в обществе главный. «Однако часто эти вещи взаимосвязаны», — добавляет она.

Исследователи также обнаружили, что среди жителей Чатал-Хююка был распространен обмен детьми между соседями, что, вероятно, служило целям обеспечения социального равновесия и более справедливого распределения ресурсов.

Археологические находки 2024 года на 5600-летнем кладбище Панория в Гранаде (Испания) также указывают на

доминирующую роль женщин в доисторическом обществе. Междисциплинарная команда ученых из Тюбингенского и Гранадского университетов обнаружила, что женщин было захоронено в два раза больше, чем мужчин. Особенно контрастно выглядели захоронения подростков, где на каждого мальчика приходилось десять девочек.

Ученые предполагают, что в этом доисторическом обществе социальные и погребальные обычаи основывались на материнской линии, а мужчины могли покидать группу для присоединения к другим кланам, что соответствует практике мужской экзогамии.

В славянских и балтских культурах дохристианского периода сохранились следы женских культов. Богиня Мать-Сыра-Земля, рожаницы, богини судьбы – все эти образы отражают представление о женском начале как о первооснове жизни и плодородия. Женщины в этих обществах часто были жрицами, целительницами, хранительницами сакрального знания.

Однако, как отмечает исследовательница Александра Кучинська-Зоник, поставлен под сомнение тезис о культе плодородия и о Матери-Богине как единственно возможных толкованиях женских статуэток. Отвергнуты и бытовые интерпретации антропоморфных изображений. Наиболее близки к истине, вероятно, магические интерпретации, в которых первобытное искусство представляется мировоззренческим элементом, отражающим отношения в экосисте-

ме. «Важно видеть в нем символическую ценность, а не простой эквивалент реального мира».

Матриархат как общественный строй, отдельно от патриархата, не существовал. Как отмечается в исследованиях, матриархат как культура, основанная на женских ценностях и отношениях субъект-субъектного типа, развивался наряду с культурой патриархата как «параллельная вселенная». Проявления матриархатной культуры можно проследить на протяжении всей истории, и особенно мощно они звучат в период становления человечества, когда пища, ее распределение и хозяйка очага играли ведущие роли в жизни племен.

По мере становления человечества, развития его социальности, дифференциация гендерных ролей углублялась. Усложнялась и культура, наблюдался рост символического мира, причем в тени магистральных социальных отношений продолжала развиваться женская культура.

Цитата из источника:

«После неолитической революции, с началом так называемого исторического времени – в момент, когда возникает тот тип общественной организации, который социологи определяют как традиционное общество, патриархат становится узаконенной системой отношений между людьми. Мужчина получает власть распоряжения внешним миром, культурой, творчеством, общественным устройством. Женщине отдан дом, пространство частной жизни, но и в доме

она существо подчиненное».

Переход к земледелию и появление частной собственности

Переход к патриархату обычно связывают с несколькими факторами, среди которых ключевое место занимают экономические трансформации.

Развитие плужного земледелия, требовавшего значительной физической силы, стало преимущественно мужским занятием. В то время как мотыжное земледелие, характерное для раннего неолита, могло выполняться женщинами, плужное земледелие с использованием тягловой силы животных требовало большей физической силы и потому перешло в руки мужчин. Это изменило экономическую основу общества: мужчины стали контролировать основное производство пищи.

Развитие скотоводства также способствовало укреплению мужских позиций. Крупный рогатый скот, лошади, верблюды требовали значительных физических усилий для ухода и перегона, что делало скотоводство преимущественно мужским занятием.

Рост производительных сил и повышение производительности труда во всех видах первобытнообщинного хозяйства привели к тому, что, как отмечается в энциклопедических источниках, «почти повсюду происходило вытеснение мужчиной женщины из сферы основного производства и огра-

ничество ее труда преимущественно домашней работой».

Возникновение частной собственности стало следующим ключевым фактором. Когда средства производства и произведенный продукт перестали быть общим достоянием рода и перешли в индивидуальное владение, возникла необходимость контролировать передачу этого имущества по наследству. Это породило институты, ограничивающие сексуальную свободу женщин, – поскольку только так можно было гарантировать, что наследники являются «своими».

Развитие производства обусловило рост обмена и возникновение частной собственности. Рост производительных сил в земледелии, животноводстве, рыболовстве и охоте, развитие межплеменного обмена вели к парцелляризации производства и появлению частного присвоения, подрывающих основы коллективизма и равенства.

Появление и рост частных богатств, сосредоточение их в руках мужчин как отдельной внеродовой собственности привели к укреплению индивидуальной семьи и превращению ее в семью моногамную, что привело к смене матриархата патриархатом – этапом распада родового общества.

Укрепление моногамной семьи стало завершающим этапом этого процесса. Парный брак, характерный для матриархата, уступил место моногамии, в которой мужчина-отец получал власть над женой и детьми. Счет родства стал вестись по отцовской линии (патрилинейность), жена поселялась в общине мужа (патрилокальный брак), формировались

большие патриархальные семьи.

Характерно, что в разных регионах мира этот переход происходил в разное время и с разной скоростью. К эпохе Великих географических открытий XV–XVI веков большинство отсталых народов мира находилось на различных стадиях матриархата. У одних он не достиг своего расцвета, и европейская колонизация вызвала быстрый распад матриархата и замену его различными формами патриархально-семейных отношений (австралийцы, огнеземельцы, бушмены). У других матриархат достиг развитых форм, и переход к патриархату был чрезвычайно замедлен.

Античный мир: относительная свобода и жесткие ограничения

Античный мир (Древняя Греция и Рим) представляет собой классический пример патриархального общества, где, однако, статус женщин не был единообразным и варьировался в зависимости от полиса, эпохи и социального статуса.

В Древней Греции, особенно в Афинах, женщина была практически полностью исключена из публичной жизни. Гражданка Афин не имела права голоса, не могла владеть недвижимостью, не могла выступать в суде. Ее существование было ограничено гинекеем – женской половиной дома.

Как отмечается в исследовании, «в общественном сознании античности социальное неравенство женщин считалось нормальным явлением. Притязания женского пола на само-

стоятельность воспринимались в штыки».

Идея, лежащая в основе ограничения прав женщины – идея о ее неспособности к важнейшим актам гражданской жизни. Это вытекало из представлений античных людей о разнице интересов мужчины и женщины в условиях становления и роста могущества государства, возвышении государства над личностью, общих интересов над частными. «В рамках данного вопроса было определено, что женские интересы ограничиваются лишь сферой биологического, в то время как мужские интересы в основном сосредоточены на социально-политических сферах. Женщина по греко-римскому праву была полезной ровно в той степени, в которой могла приносить государству новых здоровых граждан».

Исходя из ограничения социального статуса и юридической недееспособности, женщины и в Древней Греции, и в Древнем Риме находились под опекой мужчины. В греческих полисах женщины никогда не имели гражданства, несмотря на демократический строй, не имели права участвовать в общественной жизни. Опекуном до замужества являлся отец либо ближайший родственник-мужчина, после замужества вся власть переходила к законному супругу. Кроме того, у древних греков дочери при братьях не имели права на наследство, а жена не могла наследовать имущество и даже оставаться дома после его смерти, если на то не согласятся родственники.

В Древнем Риме женщины вступали под «руку» мужа или

под опеку рода: со смертью отца дочь, в отличие от братьев, попадала под вечную опеку ближайшего родственника, выйдя же замуж, становилась опекаемой мужем. Ее имущество в полном объеме становилось собственностью супруга. Вдова же римского гражданина была не способна по древнеримским понятиям пользоваться властью ни над другими, ни над собой, поэтому власть над нею принадлежала ее семье и переходила от умершего главы семейства к ближайшим членам семьи мужского рода. Таким образом, в античном обществе утверждалась абсолютная власть хозяина дома над всеми живущими в нем.

В качестве иллюстрации к положению женщины в античном мире приведем отрывок из трагедии древнегреческого драматурга Еврипида «Медия», где главная героиня описывает свое положение в семье:

«Между тех, кто дышит и кто мыслит,
Нас, женщин, нет несчастней. За мужей
Мы платим – и недешево. А купишь,
Так он тебе хозяин, а не раб...
А главное – берешь ведь наобум:
Порочен он иль честен, как узнаешь.
А между тем уйти – тебе ж позор,
И удалить супруга ты не смеешь...»

Кроме того, исследователи говорят о том, что в античном

мире дома были разделены на отдельные мужскую и женскую части. Мужская часть называлась «андрей», женская – «гинекей». В гинекей женщины уходили в случаях, когда к хозяину приходили друзья. Некоторые исследователи утверждают, что в гинекее жили лишь незамужние дочери, и смысл этого совершенно объективен: отцу необходимо было сохранить чистоту и невинность своей дочери для совершения успешного брака. Однако нельзя опровергать тот факт, что обучение основам ведения домашнего хозяйства, бытовое воспитание дочерей в большинстве случаев происходило только в гинекее, а изучение научных дисциплин женскому полу было запрещено.

Однако история дает нам примеры нарушения этого общественного запрета женщинами-учеными, сыгравшими значительную роль в развитии научного знания античности: Гипатия, Аглаоника, Агнотика, Арета Киренская и другие.

Уже в античности прозвучал голос, бросивший вызов установленному порядку. Платон в своих диалогах «Государство» и «Законы» высказал идею о необходимости равенства полов. По его мнению, женщины также как и мужчины могут быть философами, воинами и нести вооруженную охрану. Однако этот голос не был услышан современниками. Аристотель, ученик Платона, напротив, настаивал на природной неполноценности женщины и необходимости власти мужчины над женщиной. Как отмечается в исследовании, «греческая философия принижала женщину. Великий гре-

ческий мыслитель Аристотель признавал природу женщины ниже мужской и считал, что добродетель женщины никогда не может быть равной добродетели мужчины (свободного гражданина) и разве только немногим отличается от добродетели раба».

В Древнем Риме положение женщины было несколько лучше, чем в Греции. Римлянки пользовались большей свободой в частной жизни, могли посещать театры, праздники, общественные бани. Они были настоящими хозяйками своего дома, разделяли с мужем управление хозяйством. Зависимость жены от мужа ограничивалась сферой имущественных интересов. Власть опекуна распространялась только на имущество женщины, но не на ее личность. Женщина сама выбирала себе мужа.

Однако, как отмечает исследователь, в Риме до завоеваний, когда еще туда не были занесены религии и нравы побежденных народов, женщина стояла выше, пользовалась уважением, но «когда законы и понятия о человеческих правах победителей и побежденных смешались, то и в Риме положение женщины стало немногим отличаться от положения рабов: крайнее угнетение и бесправие не только подавляли душевные силы женщины и не давали им развиваться, но и приводили женщину к утрате нравственных устоев и достоинства женщины».

Древняя Русь: от языческой свободы к теремному

затворничеству

История правового и социального статуса женщин на Руси демонстрирует драматическую эволюцию — от относительной свободы языческих времен к жесткой изоляции московского периода.

В древнерусском обществе, по свидетельству иностранных путешественников, женщины пользовались значительной самостоятельностью. Начальная простота языческого быта «не допускала строго-замкнутого терема». Женщины участвовали в общественных празднествах, игрищах, могли выступать в качестве свидетельниц в суде. Языческие культы, связанные с плодородием и материнством, оставляли женщине значительное пространство для социальной активности.

Однако с принятием христианства и усилением влияния Византии ситуация начала меняться. Церковь вступила в борьбу с языческими обычаями и одновременно принесла с собой восточные представления о женщине как о «сосуде греха». Еще в XII веке архиепископ Нифонт с недоумением спрашивал: «Разве женщина погана?» Но византийские сборники со статьями о женской злобе постепенно формировали новый образ.

К концу XVII века в русской литературе сложился образ «злой жены». Специальная «Книга о злонравных женах» рисовала женщину как «льстивую, лукавую, колдунью, львицу, змию, ехидну».

Расцветом теремной жизни были XVI–XVII века. Женщины высших классов были заперты в специальных помещениях, ключи от которых находились у хозяина. Жена, согласно «Домострою», не имела другого значения, кроме распорядительницы в хозяйстве. Высшие добродетели жены – молчание и смирение.

Однако, как отмечает современное исследование, непредвзятое прочтение «Домостроя» показывает более сложную картину. В этом памятнике появляется важная новая идея о ценности женского труда. Женщины, даже представительницы привилегированных кругов, тратили огромный объем времени и сил на ведение домашнего или монастырского хозяйства. «Домострой» подчеркивает, что дом – не просто место сохранения жизни и спасения от непогоды, но и место, приносящее удовольствие и «сладость» бытия. Домашняя работа получает статус не только важной части бытовой жизни, но и оправдания земного бытия.

В «Домострое» нет призыва запереть жену в тереме или полностью подчинить ее своей воле. Напротив, «Домострой» в своеобразной форме подчеркивает важность семейной гармонии, осознание ответственности и организацию семейной жизни на основе взаимной любви. В книге подчеркивается важная роль жены: «Если подарит кому-то Бог жену хорошую – дороже это камня многоценного. Такой жены и при пущей выгоде грех лишиться: наладит мужу своему благополучную жизнь... Доброй женой блажен муж, и число дней его

жизни удвоится... хорошая жена – благая награда тем, кто боится Бога, ибо жена делает своего мужа добродетельней».

Автор «Домостроя» акцентирует внимание читателя на ответственности главы семьи за добродетельную жизнь домочадцев, на обязанности воспитывать жену, детей, слуг. Наказание допускается с большими оговорками: «А увидит муж, что у жены непорядок, сумел бы свою жену наставлять да учить полезным советом... Должен муж жену свою наказывать, вразумлять ее страхом наедине, а наказав, простить и попенять, и нежно наставить, и поучить, но при том ни мужу на жену не обижаться, ни жене на мужа – жить всегда в любви и согласии».

Вместе с тем, затворничество не смогло полностью изгладить в женщинах мирских желаний. В московском тереме достигли совершенства разные виды рукоделия, женщины соперничали в роскоши нарядов. По-прежнему существовали и исключения – например, новгородская посадница Марфа Борецкая, игравшая видную политическую роль в XV веке. Как отмечается в исследовании, «мир женщины-аристократки предпетровского времени трудно представить вне красочного мира ее одежд», а в переписке женщин конца XVII века просьбы о покупках тканей и аксессуаров одежды занимают не меньше места, чем в переписке новгородок XII–XV веков.

В русской традиции важными считались, во-первых, материнское начало, во-вторых, привнесенная христианством

роль женщины в сохранении веры и ее передаче детям. В идеальном образе сочетались выполнение семейного долга и стремление к безгрешной жизни. Знатные женщины тратили свои силы и состояние на основание монастырей, которые для того времени были центрами интеллектуальной жизни. Также в литературе Древней Руси отражается уважение к образованности, начитанности женщин (Ефросиния Полоцкая) и даже их способности к государственным делам (княгиня Ольга, Анна Ярославна).

Гостеванье – «кровеносная система социально-психологического общения» – всегда увязывалось у москвитов с трапезой. В среде московской аристократии и царской семье женщины за стол с мужчинами не садились, ели отдельно, на своей «половине». «Домострой» косвенно упомянул о таком порядке и во избежание его рекомендовал мужьям не отделяться от жен во время еды, а женщинам, «коли гости случатся, лучшее платье переменить и за столом сести».

Принарядившись, женщины, собиравшиеся в гости, считали необходимым «нащипать брови», хотя пировать они по традиции допетровского общества должны были отдельно от мужчин. Единственным и недолгим общением с «мужеским полом» во время пиров был поразивший многих иностранцев «поцелуйный обряд».

Таким образом, Древняя Русь демонстрирует сложную эволюцию статуса женщины – от относительной свободы языческой эпохи через постепенное ограничение к теремно-

му затворничеству московского периода, за которым, однако, скрывалась насыщенная внутренняя жизнь женской половины дома, а в исключительных случаях – и влияние на политические дела.

В следующей главе мы рассмотрим, как религиозный дискурс – христианский, исламский, иудейский – стал инструментом подавления женской автономии и как церковные институты на протяжении веков освящали патриархальный порядок, придавая ему божественную легитимность. Особое внимание будет уделено феномену охоты на ведьм как системному механизму уничтожения женского знания и автономии.

2. Религиозный дискурс как инструмент подавления

Библейская традиция и образ «сосуда греха»

Библейская традиция занимает центральное место в формировании западного отношения к женщине на протяжении двух тысячелетий. Ветхий и Новый Заветы содержат сложный, амбивалентный образ женщины – от Евы, через которую «пришёл грех в мир», до Марии, чья роль в истории спасения является уникальной. Именно эта амбивалентность создала пространство для различных интерпретаций, которые в разные исторические периоды использовались как для оправдания женского подчинения, так и для обоснования женского достоинства.

Ветхозаветная традиция предлагает двойственный образ женщины. С одной стороны, книга Бытия описывает сотворение женщины как «помощницы, соответственной ему» (Быт 2:18), что указывает на онтологическое равенство мужчины и женщины перед Богом. Оба они созданы «по образу Божию» (Быт 1:27), оба получают заповедь плодиться и владычествовать над землёй. Как отмечает исследователь библейской истории женщины, протоиерей Константин Кустодиев, в состоянии невинности между мужчиной и женщи-

ной было «полное согласие», их жизнь была «полна блаженства и счастья». Женщина создаётся из ребра мужчины, что символизирует не подчинение, а дополнение: «Она должна восполнить его существование, отныне разделенное между двумя; только с нею человек будет истинным человеком».

Однако грехопадение коренным образом меняет этот порядок. Ева, поддавшись искушению змия, первой вкушает запретный плод и становится проводницей греха. Наказание, которое Бог налагает на женщину, включает, среди прочего, подчинение мужу: «К мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою» (Быт 3:16). Как пишет Кустодиев, «дьявол старается внушить ей положительное неверие к заповеди Божией», и именно через жену искушение проникает в мир. Этот эпизод становится краеугольным камнем для всей последующей традиции, которая будет использовать образ Евы для обоснования женской неполноценности и необходимости мужского контроля.

Ветхий Завет, однако, содержит и примеры женщин, которые играют выдающуюся роль в истории Израиля. Пророчица Девора судит народ и вместе с полководцем Варакком ведёт его к победе. Иаиль убивает Сисару, врага Израиля. Эсфирь спасает свой народ от истребления. Книга Притчей восхваляет «добрую жену», которая не ограничивается домашним трудом: «своею прибылью она покупает поле», «все слова её мудры». Как отмечает исследование творчества Крамера и Шпренгера, авторы «Молота ведьм» не проявля-

ют осуждения в отношении этих женщин, которые «спасали народы, земли и города», и даже восхищаются ими.

Новый Завет вносит в библейский нарратив новый элемент. Мария, Богородица, становится той фигурой, которая противопоставляется Еве: как Ева принесла грех, так Мария приносит Спасителя. Уже в раннехристианской традиции утверждается параллель: «Что Ева связала неверием, то Мария разрешила верою». Однако наряду с этим ап. Павел в своих посланиях формулирует ряд жёстких ограничений: «Жены ваши в церквах да молчат, ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении» (1 Кор 14:34); «Глава же не – муж» (Еф 5:23). В Первом послании к Тимофею Павел прямо связывает подчинение женщины с грехопадением Евы: «Ибо прежде создан Адам, а потом Ева; и не Адам прельщен, но жена, прельстившись, впала в преступление» (1 Тим 2:13-14).

Как отмечает исследование, посвящённое анализу «Молота ведьм», в католической традиции существовала сложная иерархия греховности. «Женщина, которая забирает себя и других от католической церкви – будь то насилием, аргументами, примером или плотскими соблазнами (голосом, походкой, одеждой), с поддержкой дьявола или без, – является злой». При этом «злыми являются не природа женщины, не всё, что они делают, и не их доминирующее поведение само по себе. Злым является поведение и его последствия, если оно повреждает отношения между Богом и его народом».

Именно эта сложность библейского образа женщины создала возможность для разных трактовок. В одни эпохи акцент делался на подчинении женщины, вытекающем из грехопадения; в другие – на равенстве в творении и в спасении. Как показывает история, доминирующей линией всё же оставалась та, которая использовала библейские тексты для обоснования патриархата.

Особую роль в западной традиции сыграли раннехристианские Отцы Церкви. Иоанн Златоуст, один из наиболее авторитетных отцов восточной церкви, высоко ценил девственность и выступал против участия женщин «в областях знания, войны или политики», что, как замечает исследователь, «предполагает, что по крайней мере некоторые из них там были». Его цитаты, приводимые в «Молоте ведьм», следует понимать как «пропаганду против брака», который мешал «абсолютной посвященности служению Богу». Однако эти цитаты извлекались из контекста и использовались для укрепления мизогинистских стереотипов.

Исламские правовые школы: женское тело как объект контроля

Исламская традиция, подобно христианской, предлагает сложную и амбивалентную картину статуса женщины. С одной стороны, Коран провозглашает духовное равенство мужчины и женщины: «Для мужчин есть доля из того, что они приобрели, и для женщин есть доля из того, что они приобрели».

рели» (Коран 4:32). В сфере ритуальной практики женщины равны мужчинам. С другой стороны, ряд коранических установлений и, особенно, их интерпретация в правовых школах создали систему жёсткого контроля над женским телом и поведением.

Коран утверждает, что мужья имеют преимущество над жёнами в силу того, что Аллах дал одним преимущество перед другими: «Мужья являются попечителями жён, потому что Аллах дал одним из них преимущество перед другими, и потому что они расходуют из своего имущества» (Коран 4:34). В этом же аяте содержится знаменитое – и наиболее спорное – предписание о наказании непокорных жён: «Наставляйте их, избегайте их на постелях, побивайте их». Это предписание, как и многие другие, было интерпретировано правоведами в сторону ужесточения.

Различные правовые школы ислама (мазхабы) по-разному подходили к вопросу о правах женщин. Ханафитская школа, наиболее либеральная, признавала за женщиной право на развод, на управление имуществом, на свидетельство в суде (хотя свидетельство женщины приравнивалось к половине свидетельства мужчины). Маликитская и шафиитская школы были более строги. Ханбалитская школа, наиболее консервативная, в некоторых вопросах ограничивала женщину практически до полного бесправия.

Важнейшим элементом контроля над женщиной в исламской традиции стало требование соблюдения «хиджаба» –

предписания о скромности в одежде и поведении. Коран предписывает женщинам «опускать свой взор» и «прикрывать свои места», а также «накидывать свои покрывала на разрез на груди» (Коран 24:31). В хадисах эти предписания детализируются и ужесточаются. В некоторых правовых школах женщине предписывалось закрывать всё тело, включая лицо и кисти рук.

Практика «факыха» (правового заключения) постепенно создала разветвлённую систему правил, регулирующих поведение женщины в публичной и частной сферах. Женщине запрещалось выходить из дома без разрешения мужа, заниматься торговлей без согласия отца или супруга, путешествовать без сопровождения мужчины-родственника. Особо жёстким был контроль за репродуктивной функцией: беременность и рождение детей рассматривались как главное предназначение женщины.

В современных исследованиях отмечается, что предписываемое исламом отношение к женщине – это, по сути, «инструмент подавления». Однако, как и в христианской традиции, в исламе существовали различные трактовки. В некоторых регионах (например, в Османской империи) женщины могли владеть имуществом, управлять хозяйством, в некоторых случаях даже влиять на политические решения. В других регионах (в частности, в Аравии) ограничения были значительно жёстче.

Одним из наиболее показательных институтов исламского

контроля над женщиной является «махрам» – мужчина-родственник, сопровождающий женщину в поездках. Эта практика, закреплённая в некоторых правовых школах, символизирует то, что женщина не является самостоятельным субъектом права – она всегда находится под опекой мужчины.

Реформация и контрреформация: ужесточение или ослабление?

Вопрос о том, как Реформация повлияла на положение женщин, остаётся одним из наиболее дискуссионных в историографии. Долгое время доминировала точка зрения, что Реформация была прогрессивным движением, улучшившим положение женщин: протестантизм, провозгласив духовное равенство всех верующих, открыл женщинам доступ к образованию, упразднил монастырское заточение, повысил статус брака и материнства. Однако современные исследования показывают более сложную картину.

С одной стороны, Реформация действительно открыла женщинам новые возможности. Начальное образование стало обязательным как для мальчиков, так и для девочек – ведь именно матери должны были первыми познакомить детей со Священным Писанием. Женщины получили возможность непосредственно читать и толковать Библию, что было немыслимо в католической традиции, где доступ к Писанию был ограничен. Некоторые женщины, такие как Аргула фон Грумбах, стали активными участницами реформационного

движения.

Лютер и другие реформаторы высоко ценили брак и материнство. Лютер, как отмечается в одном из исследований, «сказал также много теплых слов в адрес женщин. Например, что женщина одним лишь своим мизинцем может добиться большего, чем мы, мужчины, обоими своими кулаками». Однако он же, цитируя Еву, утверждал, что женщина сильна только «в семье, среди близких», а в большом мире «женщину подстерегает множество опасностей и соблазнов».

С другой стороны, Реформация существенно ухудшила экономическое и социальное положение женщин. Упразднение монастырей лишило женщин возможности выбора между браком и независимой религиозной жизнью. В средневековой Европе монастыри были единственным институтом, где женщины могли получить образование, заниматься интеллектуальным трудом, принимать самостоятельные решения. Как отмечает исследователь Трюнтье Хельферих, «закрывая монастыри и подчеркивая брак и материнство как высшее призвание женщины, протестанты ограничили независимость и свободу, которой прежде пользовались женщины-монахини, положили конец политической и социальной власти аббатис и лишили женщин возможности выбирать безбрачную жизнь».

Кроме того, в протестантских странах были существенно ограничены имущественные права женщин. В Дании, напри-

мер, после Реформации было отменено Ютландское право, которое давало женщинам значительные права в социальной и экономической сферах. «Их права при разделе наследства были сведены к минимуму», – отмечает исследователь. «Образованная благородная дама Возрождения могла теперь позавидовать грубоватой полуграмотной хозяйке средневекового замка».

Ликвидация культа святых и почитания Богородицы также имела негативные последствия для женщин. Культ Девы Марии был одним из немногих элементов христианской традиции, где женское начало выступало в позитивном, спасительном аспекте. «Богородица, как известно, олицетворяет все лучшие стороны женского начала. Ее заслуга перед миром неоценима. Она подарила людям их Спасителя, противопоставив свой подвиг грехопадению Евы». Лютер же заявил: «Для меня существует лишь одна женщина из священного писания – наша праматерь Ева» – то есть грешница.

В городах Реформация привела к усилению патриархального контроля. Как показала в своём исследовании Линдал Роупер на примере Аугсбурга, реформационное учение о «праведности» было глубоко пронизано гендерными стереотипами. Идея «домашнего хозяйства» как основы христианского порядка ставила женщину в строго определённое место. Роупер утверждает, что «статус женщин был, по сути, ухудшен Реформацией».

Контрреформация, в свою очередь, в некоторых аспектах

была более «благоприятной» для женщин. Иезуиты и другие новые ордена открывали школы для девочек, почитание Девы Марии и женских святых оставалось важной частью католической практики. Однако католическая церковь продолжала сохранять систему жёсткого контроля над женским поведением, и именно в католических странах охота на ведьм достигла наибольшего размаха.

Инквизиция и охота на ведьм: почему жертвами стали женщины

Охота на ведьм, бушевавшая в Европе с XV по XVIII века, является, пожалуй, наиболее ярким и трагическим проявлением религиозного подавления женщин. По современным оценкам, в период между 1450 и 1750 годами было казнено от 40 до 100 тысяч человек, обвинённых в колдовстве, причём около 75-80% из них составляли женщины. Это соотношение варьировалось в разных регионах: в некоторых областях Швейцарии и Германии женщины составляли до 90% обвиняемых, тогда как в Исландии, Финляндии и Эстонии доля мужчин была значительно выше. Однако глобальная статистика не оставляет сомнений: охота на ведьм была преимущественно охотой на женщин.

Почему именно женщины стали главными жертвами этого террора? Ответ на этот вопрос требует обращения к комплексу факторов – идеологических, экономических, психологических и социальных.

Идеологический фактор. Демонологическая литература, и прежде всего «Молот ведьм» (*Malleus Maleficarum*) Генриха Крамера и Якоба Шпренгера, опубликованный в 1486-1487 годах, систематически увязывала колдовство с женской природой. «Любой грех мал в сравнении с грехом женщины», – утверждал Крамер. Женщины «порочны духовно и телесно», «порочная женщина развратнее мужчины», «лжива» и «не желает исправляться». «Жениться не подобает, – пишет Крамер в одном из наиболее цитируемых пассажей, – разве женщина что-либо иное, как враг дружбы, неизбежное наказание, необходимое зло, естественное искушение, вожаемое несчастье, домашняя опасность, приятная поруха, изъян природы, подмалеванный красивой краской?».

Как отмечает современное исследование, «Крамер, занимавшийся гуситами с 1460-х годов, считал, что ересь и ведьмовство тесно связаны... К тому же она была женщиной». Женщины считались более склонными к колдовству из-за их предполагаемой слабости, непостоянства, похотливости и чрезмерной эмоциональности. Эти стереотипы не были изобретением Крамера – они восходили к патристической традиции – но он систематизировал их и придал им юридическую и теологическую легитимацию.

Вопрос шестой «Молота ведьм» – «Почему больше ведьм среди женщин, чем среди мужчин?» – стал центральным пунктом обвинительного дискурса. Крамер утверждал, что

женщины «легко поддаются дьяволу» из-за своей «наивности», «легковерности» и «неустойчивости». Как отмечает историк Т. Герциг, Крамер не столько «гендеризировал» колдовство, сколько «гендеризировал» ересь в целом: женщины как «плотские создания» были склонны к физическому колдовству, тогда как мужчины как «рациональные» существа – к сложным ересям.

Экономический фактор. Итальянская исследовательница-марксистка Сильвия Федеричи, в своей новаторской работе «Калибан и ведьма», показала глубокую связь между охотой на ведьм и становлением капиталистического общества. По её мнению, охота на ведьм была одной из важнейших предпосылок первоначального накопления капитала. «Вытеснение умных и авторитетных женщин из социальной жизни и формирование в общественном сознании образа идеальной женщины как слабого, покорного и недалёкого существа» было необходимо для новой капиталистической экономики, нуждавшейся в дешёвой и послушной рабочей силе.

Федеричи отмечает, что женщины-знахарки, целительницы, повитухи, хранительницы народной мудрости систематически уничтожались. «Мужчины извлекали выгоду из атмосферы подозрительности, окружающей женщин, чтобы освободиться от нежеланных жен и любовниц». Охота на ведьм способствовала также разрушению общины, которая была «институтом взаимопомощи и социального обеспече-

ния» – «насушной потребностью зарождающейся капиталистической экономики: у обнищавшего или согнанного с земли крестьянина не оставалось альтернативы тяжелому и низкооплачиваемому наемному труду».

Кроме того, охота на ведьм «способствовала «рассеиванию» агрессии угнетенных, переключению ее с реальных виновников их бедствий на товарищей (и товаров) по несчастью». Страх и взаимное недоверие, порожденные террором охоты на ведьм, мешали людям осознать общие интересы и сплотиться против новых социально-экономических отношений.

Охота на ведьм также была «борьбой с женской субкультурой, как наиболее устойчивым компонентом народной культуры в целом». Как отмечает А. Я. Гуревич, «перед судьями стояла женщина, которая в силу своих знахарских навыков и умения аккумулировала вековой опыт народной культурной традиции... обвиняемая была обречена с самого начала, но вместе с нею осуждение распространялось на всю толщу той магической и мифологической традиции, которую она в суде поневоле олицетворяла».

Психологический фактор. Линдал Роупер, в своём психоаналитическом исследовании охоты на ведьм, утверждает, что «охота на ведьм была о матерях». Ведьма в сознании современников была «анти-матерью»: она убивала детей, растирала их в порошок и использовала для усиления своей власти. «Если Дева Мария – идеальная женщина христианства,

то ведьма – это анти-Мадонна. Тогда как Мария стала матерью без секса, ведьма имеет секс, но либо не рождает детей, либо убивает рождённых».

Поскольку «материнство было главной, если не единственной целью жизни женщины, и успех в этом коррелировал с её статусом, то ведьма как анти-мать была самым презренным из женщин». Именно поэтому, как отмечает Роупер, «женщины были среди обвинителей и свидетелей против ведьм». Неспособность зачать или выносить плод, а также мужская импотенция также приписывались колдовству. «Эти ведьмы представляли глубоко укоренённые страхи женщин и получали вину за необъяснимую потерю жизни, болезни, бесплодие, плохой урожай и т.д.».

Даян Пёркисс, литературовед и исследовательница ведовства, дополняет этот анализ образом ведьмы как «анти-домохозяйки». В кризис позднего XVI – начала XVII века, когда голод был постоянной угрозой, именно на домохозяйку ложилась ответственность за сохранность продуктов и благополучие семьи. Ведьма, нарушающая этот порядок, становилась угрозой «женской территории». «Добрая домохозяйка тщательно управляла, сохраняла и защищала домашнее имущество. Женщина, которая посягала на территорию другой женщины, была более уязвима для подозрений в колдовстве, особенно если несчастье постигало семью».

Культурологический фактор. Охота на ведьм также была частью более широкого процесса подавления народной куль-

туры. Как отмечает исследование, в XV веке «культура масс (необразованных слоёв населения) и культура элиты слишком далеко между собой разошлись». «Книжная» культура образованных слоев стала казаться представителям элиты «единственно возможной и допустимой», тогда как культуру простого народа они всё больше начинали воспринимать как «антикультуру», «порождение Дьявола».

Традиционные формы народной жизни – праздники, обычаи, обряды – в трактатах демонологов «превращались в шабаш ведьм, чёрные мессы, сатанинские культы». Описание ведьминских шабашей в «Молоте ведьм» очень напоминает описание сельских праздников, против которых активно боролись церковь и государство. С этой точки зрения, «охота на ведьм» затухает по мере изживания средневековой массовой культуры и сходит на нет к тому времени, когда последняя, по сути дела, уже была уничтожена.

Наконец, охота на ведьм была также инструментом борьбы с классовой борьбой. В эпоху первоначального накопления капитала, как отмечает Федеричи, «в одной только Аквитании между 1590 и 1715 гг. насчитывалось от 450 до 500 народных выступлений». Женщины активно участвовали в борьбе крестьян против огораживаний – в 1549, 1607, 1628, 1631 годах. Восстания в Монпелье в 1645 г. и бунт в Кордове в 1652 г. были инициированы женщинами. «Поэтому уничтожение, дискредитация и социальная изоляция авторитетных женщин в ходе охоты на ведьм была одной из пер-

воочередных задач на пути ликвидации сопротивления эксплуатации».

Протестантская этика и «женский вопрос» в Новом Свете

Протестантская этика, особенно в её кальвинистской и пуританской версиях, сыграла сложную роль в формировании «женского вопроса» в Новом Свете. С одной стороны, протестантизм принёс с собой идею духовного равенства, которая в определённых условиях могла быть распространена и на социальную сферу. С другой стороны, он же создал жёсткую идеологию «домашнего хозяйства», закрепившую женщину в сфере частной жизни.

В пуританских колониях Новой Англии статус женщины определялся сложным сочетанием библейской традиции и практических потребностей освоения новых земель. Женщины играли ключевую роль в экономике колоний – они не только вели домашнее хозяйство, но и участвовали в фермерских работах, ремесле, торговле. Однако в публичной сфере их присутствие было строго ограничено.

Анна Хатчинсон стала одной из самых ярких фигур ранней американской истории. В 1637 году её судили в Массачусетсе за то, что она осмелилась толковать Библию и проповедовать собственные религиозные взгляды. Судьи обвинили её в том, что она «вышла за пределы своего пола». Хатчинсон защищалась, утверждая, что имеет право на собственное

толкование Писания, но была признана виновной и изгнана из колонии. Её судьба стала предупреждением для других женщин, стремившихся к публичной активности.

Исследователь Герда Лернер в своей книге «Создание феминистского сознания» отмечает, что на протяжении всей европейской истории смелые женщины, осмеливавшиеся толковать Писание по-своему, сталкивались с преследованиями. Анна Аскью, современница Маргариты Наваррской, была сожжена за ересь в Англии в 1546 году. Она демонстрировала «смекалку и острый ум» и «настаивала на своем праве и способности толковать Писание». Когда епископ привел против нее цитату ап. Павла, она ответила: «Я знаю смысл Павла так же хорошо, как и он». Её отказ признать власть мужчин-богословов над собой стоил ей жизни.

В Америке XVII века женщины также сталкивались с преследованиями, хотя и не столь жестокими, как в Европе. Салемская охота на ведьм (1692-1693) стала американским аналогом европейских процессов. Из 20 казнённых 14 были женщинами. Хотя Салемский процесс не достиг масштабов европейских «охот», он показал, что психология и идеология ведовства сохраняла силу и в Новом Свете.

Квакеры стали первой деноминацией в Америке, которая признала духовное равенство женщин. Вдохновлённые учением своего основателя Джорджа Фокса, который настаивал на том, что «в Христе нет мужчины и женщины», квакеры позволили женщинам проповедовать, возглавлять собрания

и даже путешествовать в качестве миссионеров. Это стало важным прецедентом, который в XIX веке повлияет на развитие женского движения.

В XVIII веке, в эпоху Просвещения, дискурс о правах женщин получил новое измерение. Абигейл Адамс, жена второго президента США, в 1776 году писала своему мужу, участвовавшему в Континентальном конгрессе: «Я желаю, чтобы вы помнили о женщинах и были более щедрыми и благосклонными к ним, чем ваши предшественники». Она предупреждала: «Если не будет уделено особое внимание женщинам, мы настроены на бунт и не будем связаны никакими законами, в которых у нас нет голоса и представительства».

Это письмо стало одним из первых публичных высказываний в пользу женских прав в Америке. Хотя Абигейл Адамс не добилась немедленного результата, её голос был услышан. В последующие десятилетия, вдохновлённые идеями Просвещения и Американской революции, женщины начали требовать не только духовного, но и гражданского равенства.

Протестантская этика, особенно в её пуританском варианте, создала важный культурный фон для развития «женского вопроса» в Новом Свете. С одной стороны, она подчёркивала важность образования, что способствовало распространению грамотности среди женщин. С другой стороны, она закрепляла идею о том, что основное предназначение женщины – быть матерью и женой, что создавало основу для длительной борьбы за признание их права на публичную

деятельность.

Таким образом, Реформация, как и другие крупные религиозные движения, оказала противоречивое влияние на положение женщин. Она расширила одни возможности (доступ к образованию, духовное равенство), но закрыла другие (независимая религиозная жизнь в монастырях, экономическая самостоятельность). Она создала идеологическую основу для будущего женского движения, но одновременно укрепила патриархальные структуры, которые это движение будет оспаривать.

В следующей главе мы рассмотрим, как на руинах средневекового мира, в эпоху Возрождения и первых научных революций, формировалась новая культура, в которой женщинам, однако, по-прежнему отказывалось в признании их равного человеческого достоинства, и как этот отказ закладывал основы для длительной борьбы, которая развернётся в последующие столетия.

3. Великая охота на ведьм.

Экономика и психология террора

«Молот ведьм» как юридический и идеологический манифест

«Молот ведьм» (лат. *Malleus Maleficarum*) занимает уникальное место в истории западной цивилизации. Этот трактат, написанный в 1486–1487 годах доминиканским инквизитором Генрихом Крамером, стал не просто одной из многих книг по демонологии, а подлинным идеологическим манифестом эпохи, юридическим руководством и психологическим орудием массового террора. «Молот ведьм» — это трактат по демонологии и о надлежащих методах преследования ведьм, основными задачами которого были систематическое опровержение доводов об отсутствии колдовства, дискредитация тех, кто сомневался в его существовании, доказательство того, что женщины колдуют чаще мужчин, а также обучение магистратов способам обнаружения ведьм и процедурам доказательства их виновности.

Полное название книги — «*Malleus Maleficarum, Maleficas, & earum hæresim, ut phramea potentissima conterens*» — переводится как «Молот Ведьм, уничтожающий Ведьм и их ереси, подобно сильнейшему мечу». Обращает на себя внима-

ние грамматическая конструкция заглавия: слово «малефика» (лат. *malefica*) приведено именно в женском роде. Если бы речь шла о мужчинах либо о мужчинах и женщинах в равной степени, следовало бы писать *Maleficorum*. Это лингвистическое решение подчёркивает центральный тезис всей книги: колдовство – это преимущественно женское занятие, и именно женщины должны быть главными объектами преследования.

Поводом к созданию «Молота» послужило сокрушительное фиаско, которое Крамер потерпел в 1485 году в Инсбруке. Рассмотрев материалы инквизиционного процесса, который Крамер вёл против нескольких женщин, епископ Инсбрукский отменил приговоры, освободил обвиняемых и предложил самому инквизитору покинуть город. Это унижение стало для Крамера не просто личным поражением, но и вызовом всей системе, которую он представлял. Чтобы оправдаться перед церковными властями и одновременно создать программу для дальнейших действий, Крамер с февраля 1486 года приступил к написанию трактата. Начав с краткого руководства по техническим вопросам, он вскоре решил написать более содержательную и амбициозную работу. К 1487 году рукопись была готова.

Соавтором Крамера считается декан Кёльнского университета, инквизитор Якоб Шпренгер. Однако современные исследователи полагают, что эта атрибуция стала результатом желания Крамера придать своей работе как можно боль-

ший авторитет. Хотя пролог («Авторская апология», лат. *Apologia Auctoris*) безусловно написан Шпренгером, вполне вероятно, что помимо придания этой работе престижа его именем, вклад Шпренгера был минимальным. Эта деталь важна для понимания психологии автора: Крамер нуждался в легитимации своего труда через авторитет учёного-богослова, что говорит о том, что даже в момент создания этого чудовищного документа автор осознавал его потенциальную спорность.

Особое место «Молота» среди подобных книг было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, схоластическим авторитетом авторов, особенно Шпренгера, чьё имя придавало книге вес в академических кругах. Во-вторых, систематичностью изложения – книга предлагала не разрозненные советы, а целостную систему, охватывающую все аспекты борьбы с колдовством: от теологического обоснования до практических рекомендаций по проведению допросов и вынесению приговоров. В-третьих, своевременностью: книга была напечатана всего через несколько десятилетий после изобретения книгопечатания Гутенбергом, что обеспечило ей невиданное для рукописной эпохи распространение. Выпуск «Молота» пришёлся на начало практики массовой печати. Это способствовало широкому распространению копий трактата, вызвало массовую истерию среди населения и положило начало массовой охоте на ведьм.

Структура «Молота» тщательно продумана и отражает

логику инквизиционного мышления. Первая часть посвящена доказательству существования колдовства и его связи с ересью. Здесь Крамер и Шпренгер (или, точнее, один Крамер) систематически опровергают любые сомнения в реальности ведовства, цитируя Отцов Церкви, Священное Писание и авторитетных богословов. Особое внимание уделяется вопросу о том, почему женщины более склонны к колдовству, нежели мужчины. Вторая часть описывает различные виды колдовства и способы его распознавания. Третья, самая жуткая, по мнению многих читателей, содержит практические инструкции по ведению судебных процессов: как начинать расследование, каких свидетелей допускать, какие пытки применять, как выносить приговоры и приводить их в исполнение.

Особое место в книге занимает тема женской сексуальности. Как отмечают исследователи, в «Молоте ведьм» «про половые члены и похоть в книге, кстати, очень много, такое чувство будто ведьмы и демоны только этим и занимаются». Автор особенно заиклен на импотенции, приписывая её колдовским чарам: если у мужчины не получается с женой, а с другими женщинами – без проблем, то это, безусловно, дело ведьм. В книге приводится, например, такая история: некий человек, потерявший свой член, обратился к ведьме, которая приказала ему подняться на дерево и взять из гнезда один из множества членов, там лежавших. Когда тот хотел взять себе побольше, ведьма сказала: «Нет, этот не

тронь», объяснив, что он принадлежит попу. Этот абсурдный пассаж, звучащий как нелепый анекдот, на самом деле отражает глубокие психологические комплексы автора и его эпохи. Страх перед женской сексуальностью, перед возможностью импотенции, перед утратой мужской власти – всё это выплёскивается в садистских фантазиях о власти над женским телом.

Крамер настаивает на том, что «любой грех мал в сравнении с грехом женщины». Женщины «порочны духовно и телесно», «порочная женщина развратнее мужчины», «лжива» и «не желает исправляться». «Жениться не подобает, – пишет Крамер в одном из наиболее цитируемых пассажей, – разве женщина что-либо иное, как враг дружбы, неизбежное наказание, необходимое зло, естественное искушение, вожденное несчастье, домашняя опасность, приятная поруха, изъян природы, подмалеванный красивой краской?» Эта цитата, часто приводимая в работах о ведьмовстве, суммирует всю глубину мизогинии, которая пронизывает текст.

Важно подчеркнуть, что «Молот ведьм» не был просто плодом больного воображения фанатика. В течение последующих полутора столетий «Молот ведьм» выдержал 28 изданий в Германии (15), Франции (11), Италии (2). Это был бестселлер своего времени, который читали, цитировали и использовали в качестве руководства к действию не только инквизиторы, но и светские судьи. Книга была переведена на многие европейские языки и стала основой для подготов-

ки юристов в области уголовного права. Даже те, кто сомневался в существовании колдовства, не могли игнорировать «Молот», поскольку он представлял собой наиболее систематическое изложение официальной позиции церкви и государства по этому вопросу.

Вместе с тем, как справедливо отмечает один из критиков, «пугать «Молотом Ведьм» – дело заведомо проигрышное, и я не знаю, кому пришло в голову раздувать его содержание и писать пугающие аннотации». Основную часть книги составляют не столько инструкции по пыткам, сколько попытки автора убедить читателя в существовании колдовства, для чего он ссылается на уважаемых философов, богословов и прочих авторитетов, а также рассказывает житейские истории, воспринимающиеся на уровне страшных сказок. Это замечание важно, поскольку оно показывает, что «Молот» был не просто инструкцией по убийству, а сложным идеологическим продуктом, который стремился не только дать инструментарий, но и сформировать мировоззрение, сделать страх перед ведьмами и ненависть к ним частью повседневного сознания. Крамер, как видно, справедливо полагал, что его радикальность может быть воспринята в штыки, а потому старался сделать своё сочинение более рассудительным и приправить его заметками об обязательном суде, обстоятельном допросе и так далее.

Демографический кризис и охота на знахарок: со-

циальный заказ

Охота на ведьм не была изолированным явлением, вызванным исключительно религиозным фанатизмом. Она была глубоко укоренена в социальных, экономических и экологических условиях своего времени. Понимание этих условий позволяет увидеть в охоте на ведьм не безумный религиозный бред, а рациональный (в своей жестокой логике) ответ на системный кризис, потрясавший Европу в XV–XVII веках.

Одним из ключевых факторов стала климатическая катастрофа, известная как Малый ледниковый период. На протяжении XVI и XVII веков Европа пережила серию необычайно холодных зим и коротких, дождливых лет, что приводило к массовым неурожаям, голоду и эпидемиям. В этих условиях общество искало виновных. Как показало исследование гарвардской студентки Эмили Остер, существует прямая корреляция между периодами похолодания и ростом числа казней ведьм. Остер утверждает, что самые активные периоды судов над ведьмами совпадали с периодами низкой температуры, повышавшими частоту неурожая и препятствовавшими миграции рыб в Северную Европу. «В то время как причины погодных изменений оставались загадкой, люди искали козла отпущения, – отмечает Остер. – Ведьмы становились мишенями для обвинений, потому что в рамках существовавшей культуры было возможно их преследование и предполагалось, что они могут контролировать погоду».

Эта связь между погодой и охотой на ведьм не была случайной. Сама папская булла, предварявшая «Молот ведьм», прямо связывала ведьм с климатическими преступлениями. Папа Иннокентий VIII заявлял о причастности ведьм к «климатическим преступлениям»: «Многие лица обоего пола впали в плотский грех с демонами и своим колдовством, чарами, заклинаниями и другими ужасными суеверными, порочными и преступными деяниями наводят порчу на мужчин, женщин, домашних и других животных, а также на виноградники, сады, луга, пастбища, нивы, хлеба и все земные произрастания». Последняя глава «Молота ведьм» носит характерное название: «Как они вызывают и усиливают бури и ураганы и заставляют молнию убивать людей и животных». Таким образом, представление о том, что ведьмы могут влиять на погоду, было не просто народным суеверием, а официальной доктриной, закреплённой в папской булле и подтверждённой авторитетнейшим теологическим трактатом.

Экономический фактор был не менее важен. Итальянская исследовательница-марксистка Сильвия Федеричи в своей новаторской работе «Калибан и ведьма» показала глубокую связь между охотой на ведьм и становлением капиталистического общества. По её мнению, охота на ведьм была одной из важнейших предпосылок первоначального накопления капитала. «Вытеснение умных и авторитетных женщин из социальной жизни и формирование в общественном сознании образа идеальной женщины как слабого, покорного

и недалёкого существа» было необходимо для новой капиталистической экономики, нуждавшейся в дешёвой и послушной рабочей силе.

Современные исследования подтверждают этот тезис. В статье, опубликованной в журнале *Marketing Theory*, анализ раннего модерна показывает, как ведьма была «выкопана из её пробирной могилы» торговыми классами и поставлена на службу экспроприации капитала для модернизирующегося рынка. Например, претензии «эль-женщин» (крестьянок, которые варили эль и пиво как скромное средство заработка) на потребительские расходы считались угрозой растущей власти торговых классов в производстве и распространении алкоголя. Привязка призрака колдовства к домашнему пивоварению стала эффективным способом их экспроприации. В то время как нормальность эль-женщин ранее обеспечивала женщинам контроль над торговлей элем в позднем средневековье, к 1600 году модернизация пивоварения означала, что производство в значительной степени переместилось из скромных деревенских предприятий женщин в городские специализированные пивоварни, укомплектованные мужчинами для снабжения рынков внутри страны и за рубежом. Женщины, продолжавшие варить пиво, в индустриализирующихся районах рассматривались с подозрением и пренебрежительно назывались «пивными ведьмами».

Таким образом, охота на ведьм была также инструментом экономической борьбы, способом устранения конкурен-

ток с рынка и закрепления мужской монополии на производство. Уничтожение женщин-знахарок, целительниц, повитух, хранительниц народной мудрости было не побочным эффектом религиозного рвения, а целенаправленной политикой, направленной на разрушение женской автономии и подчинение женского тела и труда интересам нового экономического порядка. Охота на ведьм, как отмечает Федеричи, «способствовала «рассеиванию» агрессии угнетенных, переключению ее с реальных виновников их бедствий на товарищей (и товаров) по несчастью». Страх и взаимное недоверие, порожденные террором, мешали людям осознать общие интересы и сплотиться против новых социально-экономических отношений.

Охота на ведьм также была «борьбой с женской субкультурой, как наиболее устойчивым компонентом народной культуры в целом». Как отмечает исследователь А. Я. Гуревич, «перед судьями стояла женщина, которая в силу своих знахарских навыков и умения аккумулировала вековой опыт народной культурной традиции... обвиняемая была обречена с самого начала, но вместе с нею осуждение распространялось на всю толщу той магической и мифологической традиции, которую она в суде поневоле олицетворяла».

Мизогиния и страх перед женской автономией

Психологические корни охоты на ведьм уходят в глубинные слои коллективного бессознательного европейского об-

щества. Страх перед женщиной, перед её телом, её сексуальностью, её знанием – вот что питало костры инквизиции. Этот страх был не просто индивидуальной фобией, а системным социальным феноменом, который поддерживался и культивировался церковью, государством и патриархальной культурой в целом.

Линдал Роупер, в своём психоаналитическом исследовании охоты на ведьм, утверждает, что «охота на ведьм была о матерях». Ведьма в сознании современников была «анти-матерью»: она убивала детей, растирала их в порошок и использовала для усиления своей власти. «Если Дева Мария – идеальная женщина христианства, то ведьма – это анти-Мадонна. Тогда как Мария стала матерью без секса, ведьма имеет секс, но либо не рождает детей, либо убивает рождённых».

Поскольку «материнство было главной, если не единственной целью жизни женщины, и успех в этом коррелировал с её статусом, то ведьма как анти-мать была самым презренным из женщин». Именно поэтому, как отмечает Роупер, «женщины были среди обвинителей и свидетелей против ведьм». Неспособность зачать или выносить плод, а также мужская импотенция также приписывались колдовству. «Эти ведьмы представляли глубоко укоренённые страхи женщин и получали вину за необъяснимую потерю жизни, болезни, бесплодие, плохой урожай и т.д.».

Даян Пёркисс, литературовед и исследовательница ведовства, дополняет этот анализ образом ведьмы как «анти-до-

мохозяйки». В кризис позднего XVI – начала XVII века, когда голод был постоянной угрозой, именно на домохозяйку ложилась ответственность за сохранность продуктов и благополучие семьи. Ведьма, нарушающая этот порядок, становилась угрозой «женской территории». «Добрая домохозяйка тщательно управляла, сохраняла и защищала домашнее имущество. Женщина, которая посягала на территорию другой женщины, была более уязвима для подозрений в колдовстве, особенно если несчастье постигало семью».

Цитата из источника:

«В результате «охота на ведьм» зачастую трактуется как эффективное репрессивное средство социального контроля, как массированное применение прямого насилия с целью обуздания потенциальной женской активности и сохранения мужского господства в условиях резких перемен».

Женщины воспринимались не просто способными к колдовству, но считались более уязвимыми перед влиянием сатаны, считалось, что именно женская природа более восприимчива к искушениям. Эта идея была краеугольным камнем демонологической литературы. В «Молоте ведьм» подробно разбирается вопрос о том, почему женщины более склонны к ереси и колдовству. Ответы, которые дают авторы, сводятся к трем основным тезисам: женщины более легковерны, более похотливы и менее разумны, чем мужчины. Эти «природные» недостатки делают их лёгкой добычей для дьявола.

Интересную гипотезу выдвигает французский историк

Жюль Мишле, который видит в охоте на ведьм, помимо всего прочего, отражение самосознания самих женщин. Он пишет о создании отчаявшимися угнетёнными женщинами средних веков своего рода «антиобщества» перед мужским засильем, олицетворяемым сельским кюре и сеньором. Особенно интересной представляется гипотеза, согласно которой обвинения в ведовстве выдвигались преимущественно против женщин потому, что женщина была главной хранительницей ценностей устной архаической культуры, через которую они передавались новым поколениям, и именно она в первую очередь сопротивлялась аккультурации.

География охоты: почему в одних странах сжигали, в других – нет

Охота на ведьм была явлением европейским, но её интенсивность и хронология существенно различались в разных регионах. Географический анализ показывает, что наибольшего размаха процессы достигли в Центральной Европе, особенно в германских землях Священной Римской империи, в то время как в некоторых других регионах, включая Испанию и Италию, масштабы были значительно меньше.

Центральная Европа: эпицентр террора

Согласно исследованию, опубликованному в Яндекс Книгах, суды над ведьмами приобрели массовый характер прежде всего на территории Центральной Европы и Священной Римской империи (нынешние территории Герма-

нии, Швейцарии, Австрии, Франции, Чехии). Во многих немецких княжествах, особенно в южных и западных областях Германии, судебные процессы приняли поистине катастрофический размах. В таких городах, как Бамберг, Вюрцбург, Эйхштетт, состоялись одни из самых кровавых и жестоких процессов, в ходе которых были казнены тысячи человек.

В некоторых городах, как отмечает исследование, строились даже специальные тюрьмы для ведьм и малефиков – друденхаусы, или дома ночных духов. Боннский священник Дурен в письме к графу Вернеру фон Сальму описывал ужасающую картину: «Кажется, вовлечено полгорода: профессора, студенты, пасторы, каноники, викарии и монахи уже арестованы и сожжены... Канцлер с супругой и жена его личного секретаря уже схвачены и казнены. На Рождество Пресвятой Богородицы казнили воспитанницу князя-епископа, девятнадцатилетнюю девушку, известную своей набожностью и благочестием... Трёх-четырёхлетних детей объявляли любовниками Дьявола. Сжигали студентов и мальчиков благородного происхождения 9–14 лет».

Почему именно Германия стала центром охоты на ведьм? Исследователи указывают на несколько факторов. Во-первых, политическая раздробленность Священной Римской империи: многочисленные мелкие княжества и вольные города имели собственные судебные системы, которые не контролировались центральной властью. Это создавало усло-

вия для злоупотреблений, поскольку местные судьи и князья могли проводить процессы по своему усмотрению, не опасаясь вмешательства вышестоящих инстанций. Во-вторых, религиозный раскол: в Германии конфликт между католиками и протестантами был особенно острым, и каждая сторона использовала борьбу с колдовством как способ утверждения своей религиозной идентичности и ослабления противника. В-третьих, экономическая нестабильность и социальные потрясения, связанные с Крестьянской войной и последствиями Реформации, создавали благоприятную почву для поиска козлов отпущения.

Испания и Италия: относительная сдержанность

В Испании и Италии за преследования лиц, обвиненных в колдовстве, преимущественно отвечала церковная инквизиция. Хотя Испания была широко известна строгостью своей инквизиции, именно охота на ведьм здесь была менее массовой, чем в немецких землях или Франции. Инквизиция Испании уделяла больше внимания так называемым ересям и отступлениям от официальной католической доктрины, нежели борьбе с предполагаемыми союзниками дьявола. Вместе с тем в небольших городах и деревнях иногда возникали локальные вспышки подозрений, и отдельные процессы над ведьмами также имели место.

Это различие объясняется несколькими причинами. Испанская инквизиция была централизованной структурой, контролировавшейся короной, и её деятельность была на-

правлена прежде всего против марранов и морисков (крещёных евреев и мусульман), а не против народного колдовства. Кроме того, испанские инквизиторы, многие из которых имели юридическое образование, были более скептически в отношении свидетельств о ведовских шабашах и полетах по воздуху, считая их плодом воображения или обмана дьявола. Аналогичная ситуация была и в Италии, где инквизиция также была более централизована и сдержанна в вопросах колдовства.

Англия и Шотландия: ведьмоловы и меры предосторожности

На территории Англии и Шотландии ведовские процессы приобрели особенный колорит. Там распространение получили так называемые «ведьмоловы» – профессионалы, занимавшиеся выявлением колдунов и ведьм, знавшие, как по особым «признакам» обнаружить дьявольские метки на теле подозреваемого или подозреваемой. Одной из самых известных личностей эпохи охоты на ведьм в Англии стал Мэтью Хопкинс, прозванный современниками «генералом-ведьмолвом». Он активно разъезжал по городам и селениям Англии, проводя десятки процессов и исследований, в ходе которых многие люди были преданы суду и казнены на основании крайне сомнительных обвинений и доказательств.

В Англии, однако, процедура была несколько более формализована, чем на континенте. Суды над ведьмами в основном проводились светскими судами, и обвиняемые имели

право на адвоката (хотя это право часто нарушалось). Кроме того, в Англии не применялись такие жестокие пытки, как в Германии, что, однако, не спасало обвиняемых от казни – признание часто выбивалось с помощью длительного тюремного заключения и лишения сна.

Скандинавские страны: поздняя и менее интенсивная охота

В Скандинавии охота на ведьм началась позже и была менее интенсивной, чем в Центральной Европе. Последняя казнь ведьмы в Дании произошла в 1693 году (Анна Паллес). В Швеции пик охоты пришёлся на 1660-е годы, но и здесь масштабы были сравнительно невелики. Причины этого – более поздняя урбанизация и централизация судебной системы, а также меньшее влияние континентальных демонологических трактатов.

Прекращение охоты: конец террора

К концу XVIII века массовая охота на ведьм в Европе постепенно сошла на нет. Последняя казнь ведьмы в Швейцарии (Анна Гёльди) произошла в 1782 году. В Германии последний смертный приговор был вынесен Анне Швигелин в Кемптене в 1775 году (хотя и не приведён в исполнение). Последний известный официальный процесс над ведьмами состоялся в Дорухуве, Польша, в 1783 году. Две безымянные женщины были казнены в Познани в 1793 году.

Причины прекращения охоты на ведьм сложны и до сих пор вызывают споры среди историков. Определённую роль

сыграло Просвещение с его рационализмом и скептицизмом: философы и юристы всё чаще подвергали сомнению само существование колдовства и допустимость пыток. Изменения в праве – введение более формализованных процедур, запрет пыток в некоторых странах – также способствовали снижению числа процессов. Изменение социально-экономических условий – постепенное укрепление централизованных государств, снижение частоты неурожаев и эпидемий – уменьшило потребность в поиске козлов отпущения. Наконец, сами церкви, как католическая, так и протестантская, утратили интерес к борьбе с колдовством, переключившись на другие проблемы.

Вместе с тем, охота на ведьм не исчезла полностью – она продолжается в некоторых регионах мира и сегодня, особенно в Африке и Папуа-Новой Гвинее, где сохранились традиционные верования в магию. В этих регионах жертвами становятся прежде всего женщины, дети, пожилые люди и представители маргинальных групп. Бедность, эпидемии, социальные кризисы и отсутствие образования способствуют поддержанию охоты, а «охотники за ведьмами» и местные «знахари» извлекают экономическую выгоду из этого бизнеса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.